

Цю Чуэ без связи: У моего младшего соученика здоровье богатырское, а его умудрились довести до температуры! Ребята, может, отберем нашего младшего обратно? А то учитель из-за того, что тот сверкая пятками сбежал в певцы, каждый день на нас отыгрывается. Жизнь — боль!

Под этим постом в Вэйбо тут же выстроилась очередь из единомышленников, согласных с каждым словом.

Поклонники Юй Няня были ошарашены.

— Офигеть, они что, реально собираются его отбивать? Мне аж страшно стало!

— Кажется, это и называется... всеобщий любимчик?

— Погуглила эти имена — да они же все светила науки! Студентка истфака пала ниц. Бриллиантовая банда старших братьев, завидую белой завистью!

На душе у Юй Няня потеплело. Он свернул приложение и принялся писать старшим соученикам по очереди, предлагая как-нибудь собраться вместе поужинать. Ответы прилетели молниеносно, и все как один состояли из трех слов: «Занят, некогда мне».

В этот момент Мэн Юань прислал ему скриншот с припиской: «Цзи Чжаодэ сейчас кровью начнет харкать от злости».

На скриншоте было официальное заявление, только что выпущенное Ассоциацией фотографов. В нем четко говорилось, что после получения жалобы на Цзи Чжаодэ было проведено расследование, в ходе которого предоставленные заявителем доказательства полностью подтвердились. Было установлено, что работы Цзи Чжаодэ, завоевавшие золотые награды на шестьдесят первом, шестьдесят пятом и шестьдесят шестом фотоконкурсах, были сняты не им.

— ??? Вот это поворот! Прославиться за счет чужих работ, а потом еще сметь обвинять тех, у кого действительно есть талант? За такую наглость — мое почтение! Номинация «Бесстыдник года» определенно твоя!

— Ассоциация сама все подтвердила? Прекрасно! @Цзи Чжаодэ, ты крупно встрял!

— Наверное, когда все твои награды и репутация краденые, начинаешь и остальных считать такими же пустышками? Ну уж извините, у нашего Няньняня талант настоящий, мы в эти игры не играем.

Прочитав все от начала до конца, Юй Нянь немного постоял на месте и, не раздумывая долго, набрал номер Се Ю.

— Это ты сделал?

Се Ю поспешил опровергнуть:

— Не я.

Улыбка Юй Няня стала еще шире. Он сунул руку в карман и, не скрывая веселья в голосе, спросил:

— А откуда ты знаешь, о чем я? Так торопишься откреститься.

Се Ю промолчал.

В трубке слышалось лишь его ровное дыхание. Юй Нянь посмотрел на свою длинную тень, упавшую на пол, и мягко спросил:

— Что бы ты хотел съесть завтра, кроме супа из ребрышек?

Спустя несколько секунд Се Ю тихо ответил:

— Еще хочу окуня на пару, которого ты готовишь.

Перед сном Юй Нянь получил ответ от Ши Роу.

— Ши Роу: Только что разговаривала по телефону с братом Мэном. Хорошо, завтра утром все куплю и привезу, про окуня тоже не забуду, не переживай.

Через пару минут она прислала кучу восклицательных знаков:

— Да, Няньнянь! Что там с вопросами?! Это же «Двадцать четыре истории» на сорок миллионов иероглифов!

Юй Нянь ответил:

— Я уже на все ответил, прямо на бумаге. Но учитель сказал, что я его только раздражаю, так что лично я не поехал. Отправил курьерской доставкой по городу, завтра должно прийти.

И правда, на следующий день в полдень на странице Цзэн Хунъяна в Вэйбо появился пост с сеткой из девяти фотографий.

В самом центре лежал ровный лист бумаги, на котором тушью были выведены аккуратные, четкие иероглифы, а остальные восемь снимков показывали детали крупным планом.

Подпись к посту была лаконичной: «Копатель древностей Цзэн Хунъян: Почерк еще более-менее сносный. @Юй Нянь».

— Лин Цинхэ не хочет переписывать книги: Позвольте перевести. На самом деле учитель имеет в виду: «Написано просто великолепно! Я обязан похвастаться этим в Вэйбо, иначе сегодня ночью глаз не сомкну»!

— Чжэн Шаомэн против общения: Бесплатный перевод для всех: «Движения кисти уверенные и спокойные, исполненные благородства. Строки гармонируют друг с другом. В строгости чувствуется легкость и свобода. Начало горизонтальных штрихов тонкое, словно ость пшеницы, а переходы легки, как паутинка, парящая в чистом небе».

— Сюй Ляньнянь увлечен реставрацией: У младшего каллиграфия мелким уставом выходит все краше и краше! И ответил отлично, похоже, переписывать книги ему не грозит! И да, брат Чжэн, ты у нас прямо самый умный [смайлик с собакой]!

— Цю Чуэ без связи: Уже вижу, как учитель хвастается этими листами направо и налево, снимет с них кучу копий и разошлет каждому из нас. [вздых.jpg]

— А-а-а, почему у Няньняня такой красивый почерк?! Это же просто божественно! Кого я вообще зафолловила, что за чудо-мальчик! И учитель такой милый!

— Подпрыгиваю и тяну руку! Профессор Цзэн, а можно мне копию? Оплачу доставку при получении!

— Какое облегчение, Няньняню не придется переписывать «Двадцать четыре истории»! Вы не представляете, как я переживала! Мне сегодня ночью даже приснилось, как он плачет и жалуется, что у него рука отвалилась и обратно не прирастает!

Юй Нянь как раз прибирался в холодильнике. Услышав смех Ши Роу, он повернул голову:

— Чему ты так радуешься?

Ши Роу прикрыла рот рукой:

— Няньнянь, твои старшие соученики такие забавные!

Юй Нянь тоже улыбнулся:

— Да, у учителя много студентов, но тех, кто действительно прошел обряд посвящения и считается учениками по старшинству, всего пятеро. Все они намного старше меня и невероятно талантливы. Разъехались по всей стране, каждый занят своим делом, но они очень хорошие люди. — Закрыв дверцу холодильника, он протянул Ши Роу мандарин. — Время поджигает, давай собираться. Скоро приедет съемочная группа, нам тоже пора выходить.

Ровно в двенадцать часов дня бренд телефонов «Рияо» официально объявил имя своего нового амбассадора. Мэн Юань еще шутил, что даже для этого анонса компания выбрала полдень — время, когда солнце светит ярче всего, чтобы соответствовать своему названию. Очень скоро во всех фирменных магазинах и на стойках «Рияо» появились новые плакаты и рекламные щиты.

На снимке Юй Нянь стоял полубоком к камере в белой рубашке, держа в руках последнюю модель телефона. Он слегка приподнял голову и прикрыл глаза, на его губах играла едва заметная улыбка. Изящная шея, очерченный кадык, тонкие черты лица — он казался безупречным изваянием. Белый провод наушников спускался вдоль линии челюсти и скрывался под воротником, создавая чистый и притягательный образ.

Бренд также выкупил стартовую рекламу в Вэйбо, так что теперь при каждом запуске приложения Юй Нянь видел, как он сам подмигивает себе с экрана.

Официальное мероприятие подошло к концу, съемка бэкстейджа тоже прошла гладко. Юй Нянь вежливо попрощался с персоналом и поспешил домой. Он поставил томиться суп, почистил и отправил в пароварку свежего окуня, а затем вытер руки и прошел в кабинет. Там он привел в порядок промо-трек, написанный им для фильма Ся Минси, и отправил его кинокомпании.

Сделав пометку в ежедневнике, он получил сообщение от Жун Юэ с вопросом, удобно ли ему сейчас говорить.

Юй Нянь подумал, что случилось что-то важное, и ответил: «Да, удобно». Буквально через пару секунд зазвонил телефон.

— Няньнянь, дело касается картины «Пьяный конь на весенней прогулке».

Юй Нянь прислонился к краю стола, вертя в пальцах карандаш. Услышав это, он озадаченно

спросил:

— «Пьяный конь на весенней прогулке»? А что с ней?

Жун Юэ ответил прямо:

— Пару дней назад я встретил одного клиента — канадского богача, которого раньше пару раз видел на аукционах. Через общих знакомых он вышел на меня и намекнул, что интересуется картиной «Пьяный конь на весенней прогулке». Тогда я уклонился от прямого ответа. Но сегодня он снова пришел ко мне. Рассказал, что его бабушка была китайкой, сам он с детства любит китайскую живопись и каллиграфию и, прослышав, что картина всплыла за границей и была выкуплена таинственным покупателем, захотел через меня перекупить ее за очень приличную сумму.

Юй Нянь покрутил карандаш и с улыбкой заметил:

— Должно быть, цена действительно высока, раз даже вы, дядя Жун, заколебались.

— И то правда, цена огромная. Он сказал, что если сделка состоится, он готов выложить почти девятизначную сумму. Вот я и подумал, что должен сперва спросить тебя.

Карандаш в руке Юй Няня чертил на бумаге тонкие, едва заметные линии. Он опустил глаза и с улыбкой произнес:

— Дядя Жун, вы же знаете, я покупаю эти вещи вовсе не для перепродажи. И уж тем более не для того, чтобы они снова уехали за границу.

— Хорошо, тогда я так ему и отвечу, — согласился Жун Юэ и на всякий случай переспросил: — Точно не продаешь?

— Да, не продам. Даже за сто миллионов не продам.

— Ладно. Да, и еще кое-что. Появились новости о «Записке о бессоннице».

Юй Нянь невольно сжал пальцы, и грифель карандаша с тихим треском сломался. Он замер и выпрямился:

— Правда?

— Правда. Я услышал об этом во время праздной беседы с одним клиентом. Об этой рукописи ничего не было слышно почти сто лет, все только знали ее название, но никто не видел воочию. Если она действительно явится миру, трудно даже представить, сколько людей бросятся за нее бороться.

— Сокровища тем и ценны, что за ними охотятся, — Юй Нянь попытался восстановить в памяти детали. — Если я правильно помню, последние сведения о «Записке о бессоннице» гласили, что ее купил некто по фамилии Чжэнь за пятьсот ланов золота, верно?